18+

ЭДУАРД СТРУКОВ

ОТПУСТИ МЕНЯ ВОСВОЯСИ

НОВЫЙ РУССКИЙ ЭПОС

Эдуард Струков

Отпусти меня восвояси. Новый русский эпос

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66171356
ISBN 9785005518408

Аннотация

Мы мчались в МинВоды.Капли дождя сверкали алмазамина свежей листве «зелёнки»,лужи разлетались на обочины,над распаренной пахотой полейорало нахальное чёрное вороньё.Помню длинные встречные колонныс суровой пехотой на грязной броне,БТР, с которого на въезде в аэропортживописнейшие «махновцы» из местного ополчениясобирали с проезжающихсиние «пятихатки»…

Содержание

Необходимое предисловие	5
Крещенский Сочельник	7
Дедово ружьё	9
Чеченская водка	16
Лёгонький	28
Лёгонький. Послесловие	31
Мишка	42
Кадмий как проклятие	47
Сага о последнем заводе	54
Сказание о Свирепом Майкле	63
Ночная смена	73
Толкачи	80
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Отпусти меня восвояси
Новый русский эпос

Эдуард Струков

© Эдуард Струков, 2021

ISBN 978-5-0055-1840-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Необходимое предисловие

Я родился в 1966-м на Дальнем Востоке, в обычном таёжном посёлке. Читать начал рано, поглощал всё, что попадётся под руку. С шести лет меня отправили в школу, где я откровенно скучал первые года три. Учился легко, писал сочинения за друзей, трижды выигрывал районные олимпиады по русскому языку и литературе, любил английский язык, историю и географию. Был активным комсомольцем, писал стихи и даже песни, музицировал в ВИА. По совету отца, считавшего главным для мужчины наличие серьёзной профессии, поступать решил в институт народного хозяйства. Получив в 1986 году синий диплом экономиста, распределился на оборонный завод, объездил весь СССР. В 1993-м ушёл в коммерцию, торговал всем – от макарон до обуви. Новый век встретил коммерческим директором завода по выпуску зерноуборочных комбайнов, потом стал генеральным. В 2012-м перебрался в Тверь, поближе к родителям. Женат, сын и дочь. Работаю в Москве.

С 2015 года вернулся к стихам, писал нарративную силлабо-тонику, версифицировал, участвовал в конкурсах, но малоуспешно. В 2020 году по предложению Ирины Чудновой, которой хочу выразить здесь искреннюю благодарность за терпение и доброту, я познакомился с Людмилой Геннадьевной Вязмитиновой. Она не только справедливо указа-

ла на мои ошибки и открыла передо мною новые горизонты поэзии, но и придала мне столь необходимую уверенность в себе и своих силах. С великим облегчением избавившись от регулярного стиха, от рифм и размеров, сковывавших мой язык, от необходимости плести словесные кружева, я уверенно шагнул в эпический верлибр – так классифицировала этот стиль Л. Г. Вязмитинова на занятиях в мастерской «Личный взгляд».

Минул год, объём написанного вырос, и моя наставница предложила мне выпустить книгу – во время нашего последнего разговора в июне 2021 года я обещал ей это сделать, и своё обещание выполняю, представляя на суд читателя тексты в порядке их написания – мне представляется крайне важным сохранить живой всю неровную динамику развития моего творческого порыва, разбуженного этой удивительной женщиной.

ЭТА КНИГА ПОСВЯЩАЕТСЯ СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ЛЮДМИЛЫ ГЕННАДЬЕВНЫ ВЯЗМИТИНОВОЙ.

Крещенский Сочельник

Задолго до рассвета
беременной Катюхе приспичило на двор.
Она укуталась поплотнее,
надела огромные мамкины чуни
и побежала вразвалочку
по скрипучему январскому снегу
к темнеющему вдали отхожему месту,
где через пару минут с ужасом поняла, что рожает.

Катюхе не было ещё и восемнадцати,
молодой муж был старше её всего на полгода,
поэтому всё взяла в свои руки Катькина мать,
растолкавшая и озадачившая всех в доме.
Через полчаса зять уже споро тянул по улице
дровяные санки с подвывающей роженицей,
а Мария Евгеньевна впритрусочку
мчалась следом, приговаривая «ойёйёйёё».

Было полшестого утра, посёлок ещё спал,
на заметённых снегом улицах не было ни души,
крепко давил рождественский морозец,
в тайге жалобно выли окоченевшие волки,
ночь во все свои колючие звёзды

с интересом рассматривала
спешащий куда-то маленький отряд.

Из-за угла навстречу вывернулся
бегавший в самоволку
не протрезвевший ещё солдатик,
сам страшно перепугавшийся такой встречи
и оттого немедленно сиганувший
за ближайший забор.

«Пацан будет!» —
обрадовалась знамению Мария Евгеньевна.
Катюха что-то прогундосила в ответ,
терпеть ей оставалось уже немного,
потому что впереди показался
тусклый фонарь у дверей больницы,
большого чёрного барака,
пропахшего чем-то неприятным.
Молодожён прибавил ходу,
Катька жалобно завыла,
Мария Евгеньевна уже в полный голос
заверещала своё «ойёйёйёё»…

Через четверть часа на свет появился я.

Дедово ружьё

1.

Дедово ружьё лежит в чулане.
Пыльное, холодное, тяжёлое.
В коробке с десяток патронов.
«Вот оно то, что надо!» —
со странным облегчением думаю я.

В детстве я был редкостным говнюком.
Вряд ли нормальный ребёнок
решит застрелить собственного деда.
А я мечтал об этом лет с семи.
И пытался это сделать дважды.
Но – обо всём по порядку.

Едва произведя на свет,
юные родители сплавили меня в деревню,
а сами уехали в город искать лучшей доли.
Это был конец шестидесятых.
Детей в деревне было мало,
я рос, как Маугли – среди собак, лошадей и коров.
Я даже понимал их язык.
Да-да, вы зря смеётесь —

животные разговаривают между собой.
А ещё я часто бродил по лесу,
забирался в самую глухомань
и при этом почему-то ни разу не заблудился.

Дед мой был фельдшером,
лечил людей, как умел,
пил, конечно, безбожно —
впрочем, как все тогда.
В пьяном виде бывал дед ужасен,
мы прятались кто куда,
одна бабушка безропотно
принимала его пьяную злобу.

Бабушка работала акушеркой,
хозяйство было на ней немалое:
конь, корова, куры, свинья, русская печка, большой огород
и я.
Пьяный дед бил её подло —
в грудь, в живот, чтоб синяков не было видно.
А кулаки у фронтовиков были ой какие тяжёлые!

Я ненавидел деда пьяным.
Тот валился на диван прямо в грязных сапогах
начинал орать, требуя к себе внимания,

потом лез драться.
Я храбро бросался защищать бабушку,
но дед бережно меня отпихивал,
вообще-то он очень любил меня.

Но однажды я страшно разозлился,
выволок из чулана вот это самое ружьё,
грохнул его на стул перед диваном,
крикнул полусонному деду – «сдохни, гад!»
взвёл курки и выжал спуски.

Ошарашенный дед долго не мог успокоиться.
На моё и дедово счастье
патронов в стволах тогда не было,
а сейчас вот они, лежат на столе,
тускло отсвечивают капсюлями —
бери нас, заряжай, пали!

2.

Прошло немало лет.
И вот дед лежит на том же самом диване,
мычит и стонет —
у него полностью разрушилась речь,
узнаёт только меня да бабушку,
зовёт меня сынком и долго держит за руку,

регулярно и с наслаждением ходит под себя.

Месяц назад мы забрали его из психинтерната,
плачущего, потерянного, всего в синяках.
Мне никогда не забыть тот жуткий день,
то сырое, давящее свинцом небо,
в котором от края до края был разлит ужас.

Дед теперь как ребёнок.
Только крепкий, огромный,
неподъёмный, как колода.
Соседки приходят пожалеть бабушку,
но помогать ей никто не спешит.
Мне невыносимо видеть всё это.
Зачем так жить?

Я в деревне по просьбе родителей,
я – студент второго курса института,
самоуверенный циничный юноша.
По вечерам я сбегаю из дома
пить мерзкую местную водку с кем попало.

Однажды, в промозглый осенний день,
когда бабушка уходит в магазин и на почту,
я осторожно выношу дедову «тулку» из чулана,
сажусь возле дивана на табурет,

кладу ружьё на колени
и пристально смотрю деду в глаза.

Я хочу, чтобы он понял меня,
и похоже, он что-то понимает.
Он почему-то радуется, как ребёнок,
он волнуется, он силится мне что-то сказать,
тычет на ружьё, тянет пальцы к стволам.
– Да, – слышится мне. – да, сынок! Ну!

Тяжёлый морок сгущается в моей голове.
Я знаю – дед в моей абсолютной власти,
никто и никогда не станет разбираться,
как сумасшедший старик добрался до ружья.
Любая российская деревня
хранит и не такие тайны…

Кто-то другой просыпается во мне —
и это точно не человек.
Страшным усилием воли
я не пускаю этого зверя за флажки.
Спасибо физической закалке,
полученной в летнем стройотряде —
я еле-еле успеваю отодрать
чугунные дедовы пальцы,
цепляющиеся за цевьё

в опасной близости
от спусковых крючков.

С трудом перевожу дух,
понимая, какой же я дурак.
Зачем я приволок это чёртово ружьё?
Оказывается, я очень люблю,
и даже жалею своего деда.
А когда любишь человека,
то можно немного его и потерпеть.
Вся моя ненависть куда-то исчезает за полсекунды.
Я улыбаюсь деду: «Живи, старый!»
А он почему-то вдруг горько и безутешно плачет…

Назло всем чеховским заветам
от греха подальше
вечером того же дня
я меняю чёртово ружьё вместе с патронами на самогон.

Дед умрёт через три долгих месяца,
на неделю пережив Андропова,
бабушка проживёт одна ещё тридцать пять лет,
я вырасту, постарею,
похороню бабушку
и только тогда
наконец-то

расскажу всю эту историю.

Чеченская водка

«На Кавказе тогда война была.»
Л. Толстой «Кавказский пленник»

Мало кто сейчас помнит
про «чеченскую водку».
А в девяностых это была
самая что ни на есть шикарная
прибыльная коммерческая тема.
Торгаши брали у чеченцев
«левую» водку на реализацию,
продавали, делили «кэш» —
и всё это происходило,
минуя карманы государства.
Другая страна была, что тут говорить,
и жили она тогда по иным законам.
Примерно, как звери в лесу.

Докатилась эта водочная тема
и до наших отдалённых мест.
Примчались к нам, в тихий городок,
на крутых японских иномарках
таинственные небритые кавказцы
в длинных кожаных пальто.

Директор торговой фирмы,
у которого я тогда работал,
был великий кидала и плут,
но новоявленные партнёры
о его подвигах ничего не знали,
а потому с ходу ударили по рукам,
и через месяц мы получили
«на ответственное хранение»
целый эшелон водки.
Водку – кстати, неплохую —
реализовали влёт.
А «хранение» было придумано,
чтобы налоги с оборота не платить.

Пришло положенное время,
приехали хозяева водки за деньгами,
а денег у нас нет.
Вложил их наш босс, недолго думая,
в какой-то другой мутный прожект,
он тогда квартиры с «откатом» скупал
у отъезжающих в Израиль.
Ну, тут начался шум, крики
«рэзать вас как баран будим» —
но уехали кавказские партнёры
всё-таки не солоно хлебавши.

Тогда ведь уже вовсю шла
первая чеченская война,
где-то там далеко-далеко
что-то стреляло и горело,
но всё это было как телешоу —
цинковые гробы тогда ещё
до наших мест пока не дошли.

И надо же такому было случиться,
что поссорился наш директор
с местной налоговой полицией —
пожмотился подарить ребятам
пару ящиков этой чёртовой водки.
Ну, завертелось…
Возбудили полицейские дело,
начали всех нас таскать:
«Ребята, вы патриоты или нет?
Они там наших мальчишек режут,
а вы их тут покрываете!»

И оказалось – о ужас! —
что никакого договора
об «ответственном хранении»
у нас не было и нет,
забыли в спешке оформить.
А он «должон быть»,

иначе светит нам штраф
размером с городской бюджет!

И выход был только один —
ехать на Северный Кавказ,
искать там наших партнёров
и каким-то образом замиряться.
Потому как иначе попадут все —
получается, они привезли водку,
мы её продали, а где же налоги?
«Ку-ку, Гриня?!» —
говаривал известный батька Бурнаш
незадачливым «неуловимым мстителям».

И ведь не возникло у меня
тогда насчёт этой поездки
никаких сомнений.
Ни когда шеф меня озадачивал,
ни когда я в Минеральные Воды летел,
ни когда всю ночь на частнике
до этого аула чёртова
в объезд блокпостов добирался…
Утром прошёлся, идиот, по базару
под удивлёнными взглядами
бородатых жлобов в лыжных шапочках.
А тут ещё выяснилось,

что в гостинице местной
я чуть ли не единственный постоялец.
Словом, оказался я в этом ауле
типа «тополя на Плющихе»…
И даже когда приехали за мной
мрачные братья-партнёры
и повезли куда-то в горы,
всё мне ещё невдомёк было,
не верилось мне в плохое.
И только тогда, когда закрылась
за мной в глухом бетонном подвале
снаружи дверь на засов,
понял я – что-то тут явно не так…

Кормили однообразно, но сытно.
Лампочка. Кровать. Ковёр на стене.
Для испражнений выдали ведро.
Но хотя бы с крышкой!
В общем, претензий не имею,
потому как сам дурак.
Угнетало одно – языка не знаю.
Приедут, смотрят, переговариваются —
а о чём? Поди-ка пойми.
Дни идут.
Кажется, вечность тут сижу.
Вернее, лежу. Бока болят.

Отоспался, оброс бородой.
Скучно. Невесело.

Я с чеченцами учился вместе
и кое-что об этом народе
всё-таки знал.
Но одно дело рассуждать,
сидя дома на диване,
и совсем другое —
пытаться догадаться в подвале,
что же с тобою, дураком,
дальше-то теперь будет.
Чеченцы, они тоже разные бывают…

Как-то раз дождливой ночью
подняли, вывели, повезли —
непонятно, куда, зачем.
Офис какой-то, документы,
машинка печатная,
кепки милицейские…
Оказалось, что пришёл запрос
из нашей налоговой
в их налоговую полицию,
и теперь проблемы
начались не только у нас…

А ещё с гор спустились
злые бородачи с автоматами
и напомнили кое-кому,
что давно бы уже пора
вносить денежку на войну.
Местные налоги, так сказать…
А денежки у партнёров нет,
поскольку наш директор
их на «конгруэнтную» сумму
банальным образом кинул.
И вопрос теперь поставлен так —
либо он деньги отдаёт,
либо завтра с боевиками
мною как раз и рассчитаются.

А пока меня просто прячут —
чтоб плохие люди не украли.
Обезопасили, так сказать.
Логично, но сильно не радует.

Ну, договорились, конечно.
Всю ночь печатал я тогда
на раздолбанной машинке
(компьютеров тогда не было)
пакет необходимых документов,
и даже ответ сам написал —

от их налоговиков нашим.

И случилась тогда у меня впервые
эта самая минута сомнения,
когда ледяным пламенем
меня под кожей обожгло,
и сильно пожалел я о том,
что ввязался в эту авантюру.

Рассвет уже брезжил,
когда посмотрел мне в глаза
главный чеченец Белал
и тихонечко так сказал:
«Теперь можно и тобой рассчитаться…
Деньги нам и самим пригодятся… Да?»
А через минуту засмеялся: «Шутка!»
Нехорошо так засмеялся, через силу.

И я вспомнил этот смех
через неделю, уже дома,
на допросе у следователя,
горячо убеждавшего меня,
«русского офицера»,
сдать «этих кровавых тварей».
И тут уже другое сомнение
на секунду ворохнулось во мне.

Подленькое. Мерзкое.
Захотелось отомстить
за страх пережитый,
за подвал этот затхлый.
Но я спросил себя —
а чем русский ражий майор лучше,
чем «эти твари»,
которые свой дом защищают?
И промолчал.

Но это всё было уже потом.
А тогда не было ещё рассвета
в моей жизни красивее…
Дождь закончился.
С неба ударило весеннее солнце.
Капли сверкали алмазами
на свежей листве «зелёнки».
Лужи разлетались на обочины.
Над распаренной пахотой полей
орало нахальное чёрное вороньё.

Мы мчались в МинВоды.
Надо было успеть вовремя
доставить документы в наш городок.
На блокпостах я бодро выскакивал,
выкладывал руки на капот

и даже разок схлопотал по почкам
от какого-то яростного прапора
за «торговлю с врагом».
Помню длинные встречные колонны
с суровой пехотой на броне,
БТР, с которого на въезде в аэропорт
живописнейшие «махновцы»
из местного ополчения
собирали с проезжающих
синие «пятихатки»…

Я был счастлив и весел.
Накрыло меня намного позже,
уже в номере гостиницы «Россия».
Я выпил купленную по дороге водку —
прямо из бутылки, словно воду,
и горько заплакал – навзрыд.

А через пару лет я снова
прилетел на Северный Кавказ.
Но это уже была, как говорится,
совсем другая история…

Война эта однажды наконец-то закончилась.

Один из моих тогдашних знакомых,

отчаянный красавчик Шамиль,
утонул в нулевых во время наводнения,
спасая где-то под Уссурийском
совершенно незнакомых ему
русских девчонок.

Его старший брат Белал
как-то раз решил проведать меня
и приехал в тыловой армейский госпиталь
на кавалькаде из чёрных джипов,
и все тамошние солдатики —
болезные, и здоровые —
на всякий случай бесшумно сыпанули
кто куда через высокий забор,
а мой знакомый майор-начмед
чуть не поседел от ужаса…

Было весело, приятно и немного грустно —
всё-таки оба мы с Белалом
изрядно постарели.

А вот заводной горячий Руслан,
мой друг по студенческим годам,
тот реально стал полевым командиром.

Шеф мой бывший

уехал было на землю обетованную,
но кинул там – по слухам —
как минимум пол-Израиля,
и поэтому теперь обретается
уже где-то в Америке.

Я – вот он, весь перед Вами.
Жизнь продолжается…

Лёгонький

Он был похож на страшного Пьеро,
когда вставал с заплёванного пола.
Рукой на пацана махнула школа,
зато вовсю набегался «угро».
С улыбкой жуткой,
тонким голоском
Пётр говорил со мной,
как будто плакал,
петрушкой норовя сложиться на пол
в припадке истерично-шутовском.
«Подумай, у тебя на воле мать…»
«Начальник, разрешите сигаретку!»
Тюремный клоун, глупый малолетка,
кому и что хотел ты доказать?

На детских зонах – лютый беспредел.
Опущенному чисто по приколу
Петру
«пахан» —
малой с глазами волка —
с собой покончить до утра велел.
Смеялись над мальчишкою «друзья»,
сходившие с ума от лютой скуки:

«И как ты на себя наложишь руки?
Ни вскрыться, ни повеситься нельзя!»

Он,
в камеру отдельно помещён,
на шконку лез —
и, плача, падал на пол…
Конвой устал.
По факту выдав рапорт,
под чесночок насытился борщом.
Удар —
и шорох.
«Вдруг ещё помрёт?»
«Он – лёгонький. Куда там! Не убьётся.
Пусть завтра с ним решает руководство…»

А он всё падал – сутки напролёт.
Конвойные почти сошли с ума.
Господь, наверно, сжалился в итоге.

…Пацан скончался в «скорой» по дороге.
Зло бесновалась детская тюрьма.
Холодный скальпель быстро раскромсал
никчёмное измученное тело.
Душа мальчишки к небу отлетела,
как высохшая сорная трава.

Бывает добрым Зло,
и злым – Добро.
Наш мир устроен так, а не иначе.

Мне снится —
поднимается и плачет
опять
нелепый лёгонький Пьеро.

Лёгонький. Послесловие

Бывает так иногда,
что потрафишь советчику,
переделаешь свой текст
для пущей слезливости,
для более выгодного
эффектного звучания
или ещё как,
и с ним что-то происходит,
что-то важное
теряется в нём навсегда.

Я часто пишу странные тексты,
они безэмоциональны
и чем-то похожи
на холодный слепок прошлого,
их, наверно, могли бы писать звери,
этакие честные саги
про то, что мир жесток,
и добро в нём зачастую
куда похуже зла,
и ничего в итоге вернуть назад
уже никак невозможно.

Наши сетевые конкурсы
как места общего пользования —
все говорят о них презрительно: «фи!»,
но участвуют,
а иначе читателя не дождёшься.
На один из таких конкурсов
я подал балладу о «лёгоньком» —
о мальчишке,
который покончил с собой в СИЗО
фактически на моих глазах.

Эта глупая и страшная история
случилась десять лет назад,
арестовали банду сельских автоугонщиков,
членам которой было едва по 14 лет,
и мальчишка этот
проходил по делу
о кражах машин
эпизодов этак на полста.

Воришки в основном
оказались из семей небедных,
но в деревне машина – кормилица,
поэтому выследили и сдали полиции
сынков местного «кулачья»
сами сельские работяги.

«Сынки» заехали в СИЗО
на кураже и с «концертом»,
изображая матёрых «отрицал»,
не приемлющих всё тюремное,
поэтому поломали в камерах
всё, что смогли,
выбили стёкла,
спалили проводку,
сломали сантехнику,
долго плясали и выли,
отказались наотрез
от весьма сносной «баланды».
Что поделаешь – дети!

Через месяц-другой
их мятежный пыл поугас,
дело стало «шиться» по накатанной,
эпизоды неуклонно
обрастали фактурой,
и в какой-то момент
их мордастенькому главарю,
сидевшему отдельно,
показалось,
что кто-то из его дружков
«сел на измену».

Скорее всего,
где-то так оно и было,
именно этот мальчик
был любителем поболтать,
дёрганый, истеричный,
дерзкий, спонтанный,
настоящий зреющий «урка» —
остальные-то хлопчики
были куда попроще
и не так задирались
ко всем и вся почём зря.

Пообщавшись с «трудным» пару раз,
я был слегка ошарашен —
он воспринимал неволю
как переход в новое качество,
как некую инициацию
на пути в «хозяева жизни»,
жил предвкушением тюрьмы и насилия,
видел в обычных людях
только «терпил» —
говоря иначе,
своих будущих жертв.

Я застал историю с суицидом

уже почти на излёте,
случайно услышав на «продоле»
странный звук,
заглянул в глазок камеры
и увидел жуткую картину —
с пола подымался,
подвывая и хихикая,
страшный, нелепый и нескладный
мальчишка в чёрной робе,
этакий «чёрный Пьеро».

Дежурившие в тот день контролёры,
невозмутимые молчаливые увальни,
тянувшие службу уже лет двадцать,
делали вид,
что ничего не происходит.

Всезнающие сидельцы
шепнули мне,
что главарь автоугонщиков,
кряжистый толстячок с повадками Вия,
приказал «ссучившемуся» пацану
до утра «закинуться»,
то есть покончить с собой,
иначе он будет «опущен»
своими же подельниками,

или же «объявлен опущенным»,
и жизни ему уже не видать.

Контролёры, конечно,
доложили в дежурку,
но были пьяные новогодние дни,
офицерьё детско-женского СИЗО
радостно прыгнуло на стакан,
заявления от пацана не поступало,
режим он не нарушал,
поэтому лейтенант
по кличке Витя-Тупой
в карцер парня не закрыл,
а просто велел посадить пока
одного в пустую «хату» —
до выяснения.

И всё бы ничего,
но никому и в голову не пришло,
что мальчишка решит покончить с собой
оригинальным способом,
начнёт скатываться
со второго яруса кроватей
и падать на бетонный пол.

Крепкие дядьки посмотрели с сомнением

на субтильного арестанта,
потом махнули рукой,
дескать, клиент лёгонький,
не убьётся,
и пошли себе смотреть
новогоднюю теле-голубизну
и вкушать обалденного запаха борщ.

А мальчишка
с утра до вечера
лез и падал
с упорством идиота —
а за полночь
в очередной раз упал
и уже не поднялся.

Когда приехала «скорая»,
пацан вроде был ещё жив
и даже стонал,
но утром сопровождающие
вернулись назад уже одни.

Историю замяли,
изобразив как несчастный случай.
Со временем всё разъяснилось —
оказалось, что «паханчик» сдал

всю свою гоп-компанию сам,
а подельника подставил почём зря,
свалив потом всё на мёртвого —
а с того уже не спросишь…
Вот такая штука жизнь.

И я соврал читателю —
мне было совсем не жалко
молодого «урку».
Это был шаловливый волчонок,
который через пару лет
превратился бы в молодого волка,
а всё к тому и шло,
и кто знает,
сколько загубленных душ
оставил бы этот «Пьеро»
на своём кровавом пути.

И все, с кем я осторожно
касался этой темы,
не выказывали ровно никакого сочувствия,
там, за решёткой
никто не любит суицидников,
персоналу и контингенту
от них одни проблемы,
как от гранаты с выдернутой чекой.

И те, и эти
пытались вразумить мальчишку,
но тот вошёл в какой-то жуткий транс,
сумел убедить себя,
что лучше умереть «правильным пацаном»,
чем жить
с вечным «вопросом» за спиной.

А если бы в доказательство
от него потребовали
убить другого человека?
Я уверен, что «чёрный Пьеро»
не стал бы слишком заморачиваться
насчёт выбора.
Поэтому я и написал в финале
пару строчек о главном —
о том, что иногда зло
бывает гораздо нужнее
и важнее добра,
но этой фразы моей
никто так и не уловил,
началось привычное обсуждение «было-не было»,
упрёки в тюремщине и чернухе,
в полном отсутствии поэзии.

Конечно, трудно найти

что-то гораздо менее поэтическое,
нежели тюремные истории,
но всё же иногда мне кажется,
что нашими устами пытаются говорить
не только высшие сферы,
где бабочки, тишь да благодать,
но и низшие,
пахнущие гарью и серой.
А между тем Зазеркалье
ждёт вас
прямо за дверью
ваших тёплых уютных квартир,
вы допиваете кофе
и строите планы на день,
а в подворотне какой-то «торчок»
уже давно решил вашу участь,
даже не зная
о вашем существовании.

Так что пусть это будет
не поэзия,
но я никогда не считал себя поэтом
и уж тем более
не давал клятвы
писать только то,
что всем нравится.

И больше всего мне стыдно
за те свои последние строки:
«Мне снится —
поднимается и плачет
опять нелепый лёгонький Пьеро».
Он никогда мне не снился.
Я солгал —
в угоду чужому вкусу
и для пущей слезливости.

Его больше нет,
и слава Богу.
В мире стало немного спокойнее жить.

Мишка

В городе Энске
под самый Новый Год
в пьяной кабацкой драке
убили единственного сына судьи Петрова.
Между нами говоря,
парень был засранец ещё тот,
но зачем же за такие мелочи
разбивать голову битой живому человеку?
На могиле сына
судья поклялся наказать виновных.
Случилась обычная история,
накачанная гормонами и водкой
«золотая молодёжь» передралась,
однако следствию было непонятно,
кто же нанёс роковой удар.
Мишку задержали первым,
и адвокат уговорил его молчать,
что было не совсем разумно,
потому что теперь следователь
мог лепить дело так,
как ему заблагорассудится.
Сам Мишка никого не убивал,
и я лично вполне ему верю,

но причастность его к делу была доказана,
и морозным январским утром
коллега судьи Петрова
в пять минут отправил парня под арест.

Прошло полгода,
а Мишка всё «парился» на нарах.
На воле он работал ректором
филиала Эрского университета,
был женат, и жена недавно родила,
занимался спортом, знал иностранные языки,
то есть был вполне образованным человеком
с весьма тонкой душевной организацией,
а таким в тюрьме приходится непросто.
Сидел он в так называемой «пресс-хате»,
где натасканные уголовники-рецидивисты
начали методичную психологическую обработку новичка
путём «накидывания колпаков» и «нагнетания жути»,
чем изрядно подрасшатали Мишкину психику.
Не без старания адвокатов
подельники его пошли в бега,
так что Мишка страдал в СИЗО один за всех,
поскольку свято верил в то,
что сдавать друзей «западло».
Переубедить Мишку было невозможно,
поскольку был он чертовски принципиальным,

с самого детства воспитывался на культе воли и силы,
истово верил в идеалы «мужской дружбы»
и старательно вёл себя «по пацанским понятиям».
Бледный, высокий, с горящими глазами,
чем-то похожий на религиозного фанатика,
он так старательно призывал новичков молчать,
что быстро становился невыносим,
и его то и дело переводили из одной камеры в другую.
Кто только не пытался вразумить упёртого парня!
Однажды к нему на свидание приехал старший брат,
служивший начальником СОБРа где-то в Сибири,
но Мишка демонстративно прервал свидание.

В городе многие уже давно знали о том,
кто на самом деле вынес мозги судейскому сыну,
и хотя судье-отцу не раз и не два шептали об этом,
но горе и чёрная злоба того
самым странным образом
трансформировались в ненависть к Мишке.
Сроки уходили,
арестант гордо молчал,
следствие заканчивалось впустую,
но дальше случилось самое интересное —
через полгода странствий по чужим домам
Мишкины «подельники» сами явились к следователю
и в один голос дали показания о том,

что их друган-арестант и есть главный «убивец».
Мишка приходил с очных ставок сам не свой,
падал на занавешенную простынёй «шконку»,
брал в руки потрёпанный томик Шекспира
(парень пытался учить в тюрьме английский язык!),
и молча лежал часами в своём закутке
с совершенно белым лицом и слепым взглядом,
катая по выбритым щекам крупные желваки.
Самое ужасное было в том,
что вчерашние друзья,
которых он так трепетно выгораживал,
топили его по полной,
поскольку вместо убийства по неосторожности
Мишку обвинили уже в предумышленном убийстве.

Читатель давно должен был догадаться,
что всё это происходило неспроста,
направляла события из-за кулис
уверенная рука судьи Петрова,
поклявшегося отомстить за сына.
Правда в этом деле уже была никому не нужна,
поэтому дело шилось быстро,
умелыми крупными стежками,
начался скорый судебный процесс,
исход которого был вполне понятен,
потому как вёл его давний петровский приятель,

Мишка на суде по-прежнему отмолчался,
получив полновесные пятнадцать лет строгача.

Карательная операция завершилась,
где-то за богато накрытым столом
судья Петров принимал поздравления,
благодаря коллег за помощь и содействие,
а упёртый парень Мишка
уходил этапом на Ванинскую пересылку.

Кадмий как проклятие

1.

Случаются на свете странные вещи,
которые превращают жизнь в ад,
лишают вас спокойствия,
не дают спать по ночам,
становятся занозой в мозгу,
заставляя забывать обо всём,
день за днём изматывая разум.
Именно таким проклятием
на закате советских времён
стал для меня именно кадмий,
«редкий элемент с атомным номером 48,
мягкий ковкий металл серебристо-белого цвета».

Работал я заводским снабженцем,
и начальство поставило мне задачу
достать этот растреклятый кадмий
во что бы то ни стало, любой ценой.
Сделать это официальным путём
на закате Госплана и Госснаба
уже никак не получалось,
поэтому, попросту говоря,
пришлось нам банально украсть
на чужом заводе пластину кадмия

и припрятать её в попутном контейнере.

Я, святое дело,
отрапортовал кому следует,
был обласкан и поощрён,
но… в поступившем контейнере
кадмия не оказалось!
Это была дьявольщина.
Я обшарил каждый метр,
лично допросил всех и вся,
долго и грязно/цинично ругался,
тайком молил небо сжалиться —
но кадмий исчез.
Этого не могло быть,
потому что просто быть не могло.

2.

Нет ничего на свете хуже,
чем в одночасье стать неудачником.
Ещё утром был я везунчиком,
баловнем судьбы,
которого ласково журили на совещаниях,
этаким «анфан терриблем»,
которому прощалось всё —
но всё это происходило
ровно до тех пор,
пока мне фартило.

Но удача изменила мне,
мало того, что чёртов кадмий
в одночасье рушил моё реноме,
он без жалости ломал
мою и без того невеликую карьеру,
или, говоря нынешним языком,
отрубал мой «социальный лифт».

На горизонте замаячил силуэт
ценного пушного полярного зверя
по имени «песец».
Уже примчались на чей-то стук
вездесущие «особисты»
с многозначительными физиономиями,
уже искало меня заводское радио,
требуя срочно явиться к директору,
тихо косились на меня подчинённые
с постными похоронными рожами —
словом, по всему, оставалось мне,
как настоящему русскому офицеру,
только одно —
самым незамедлительным образом застрелиться.

– Остановись и подумай! —
постоянно шепчут нам небеса.
Но по молодости своей

я небесам не внимал
и о подобных вещах не задумывался,
поэтому просто срывал горькую злость
на своё фатальное невезение,
разбивая крепкий кулак
о кирпичную складскую стену.
Вовсю накрапывал к обеду
бессмысленный осенний дождик,
когда вдруг подошёл ко мне
старый добрый знакомый,
весёлый инспектор-пожарник Вася.
– Ищёшь чо ли чо-то, поди?
Гля, покожу-то чо! —
с дивной вологодской хитрецой сказал он.
«Чо» оказалось подставкой,
пластиной серебристого цвета,
на которой в чугунной сковороде
дымилась жареная картошка.
Всё вышло просто —
при выгрузке дунул сильный ветер,
запаренные грузчики подпёрли
дверь контейнера первым,
что подвернулось им под руку,
а шедшая мимо уборщица тётя Валя
пристроила бесхозную вещицу
потом туда, куда надо.

Хорошо всегда то, что хорошо кончается.
Завод, конечно, отхохотал своё,
но отныне поселился в моём мозгу
тот самый неусыпный червь сомнения.
Мудрые инженеры наши
тоже наконец-то задумались.
Почему именно кадмий?
В чём тут страшная тайна?
Изделие простое, в космос не летает,
в таких обычно все болты и гайки
цинкуют или хромируют…

3.

…Он встретил нас, как родных.
Ветеран труда, много лет на пенсии —
а тут ребята с самого Дальнего Востока,
со всем почётом и уважением,
привезли даром икры и рыбы,
пьют, сколько ни налей,
хоть до утра готовы слушать байки
бывшего ведущего конструктора
Симферопольского института,
вписавшего когда-то в проект
тот самый проклятый кадмий.

– Тогда на соседнем участке
хлопцы кадмирование делали.
Утащил я горсть болтов домой,
чтобы поддон «Запорожцу» прикрутить,
хорошие болты оказались,
не ржавели совсем,
днище сгнило уже давно,
а они всё как новые были!
Подумал я тогда,
что как хорошо было бы везде
поставить болты с кадмиевым покрытием,
им же вечно сносу не будет.
Потому и написал —
«покрытие кадмием».
А так-то оно конечно, какой кадмий?
Обычный железный ящик.
Тут и хром сойдёт, и цинк…

4.

Я стоял у шаткого плетня
и никак не мог накуриться.
Горячий ветер Крыма
дружески шевелил волосы,
тёплый винный хмель

расслаблял моё тело.
Внутри меня с грохотом
рушился айсберг по имени Кадмий,
и его серебристые ледяные глыбы
тонули в терпком фанагорийском вине…

Всё оказалось до обидного просто!
А всего-то требовалось —
изначально докопаться до сути.
И не было бы тогда
всех этих совещаний,
истерик, поездок,
напрасных ожиданий,
нервов, надежды,
мольбы и отчаяния…
Нужно было просто
остановиться и подумать.

Но разве тогда
жизнь была бы такой интересной?

Закрыв глаза, я подставил лицо
уходящему на закат южному солнцу.
Захмелевшая молодость моя
обещала быть вечной.

Сага о последнем заводе

Старый завод напоминал с высоты
огромное доисторическое животное,
гигантского рыжего птеродактиля,
который собрался куда-то лететь,
широко раскинул перепончатые крылья,
да так не смог оторваться от земли.

Теперь монстр медленно умирал,
кровля его корпусов трескалась,
постройки и здания ветшали,
кабели рвались, трубы лопались,
зарастал мхом и травою асфальт,
бетонные плиты забора то и дело падали,
открывая дорогу отрядам ночных мародёров,
которые уносили с территории всё,
что только попадалось им под руку.

Ещё недавно внутри теплилась жизнь,
люди спешили поутру к рабочим местам,
зажигали печи, запускали линии и станки,
наполняли машинные залы голосами,
грузили продукцию, копали траншеи,
латали горячим гудроном крыши.

Чувствуя людскую заботу о себе,
огромный железобетонный монстр,
раскинувшийся на всю окраину города,
успокаивался и чутко засыпал.

Он слышал, как один за другим
затихают, умирая, его собратья,
и давно догадывался, что обречён,
что время больших заводов уходит в прошлое,
в стране наступает эпоха сытой жизни,
гипермаркетов, красивых домов,
интернета, блогеров, фрилансеров,
быстрых машин и хороших дорог.

Его предпоследний руководитель,
прозванный «красным директором»,
имел тяжёлый и вздорный характер,
свято верил в то, что «скоро придут наши»,
поэтому упрямо не платил налоги,
жить по новым правилам не хотел,
загнал предприятие в банкротство,
оставил тысячи рабочих ни с чем,
а сам от расстройства заболел и умер.

Завод не понимал, что такое капитализм,

но точно знал, что должен служить людям,
рачительным хозяевам,
построившим его в глухой тайге
на благо великой страны,
чтобы из его ворот уходили в поля
тяжёлые зерновые комбайны,
собранные умелыми и сильными руками.

Завод помнил и любил ребят,
когда-то построивших его,
поэтому нового директора,
молодого и энергичного парня,
он встретил вполне дружелюбно,
с интересом наблюдая за тем,
как тот вникает в заводские проблемы,
бродит по огромным пустым корпусам,
спускается в мрачные подземелья,
долго смотрит с крыш заводских на мир окрест.

Доверившись воле нового хозяина,
старый монстр из последних сил
напряг огромные армированные балки,
державшие рёбра гигантских пролётов
над замшелыми стенами корпусов,
истекая болью неизбежных аварий,
согрел цеха теплом подземных трасс,

позволил рабочим безбоязненно
войти в свои обветшалые цеха.

Но однажды утром молодого директора
увезли куда-то в наручниках,
обвинив в нечестной покупке предприятия.
Люди начали ходить на работу всё реже,
а потом почти совсем перестали.

Незаметно прошёл год, потом другой,
бывший директор терпеливо ждал суда
в душной камере местного СИЗО,
слушал по ночам мерные звуки ударов
многотонного кузнечного молота,
верил и надеялся,
что завод дождётся его —
тот ещё работал, тот ещё жил.

По молодости лет
арестант наивно верил в то,
что государство действует всегда
разумно, рачительно и справедливо,
что новый праведник продолжает
начатое им возрождение предприятия,
строит, латает и ремонтирует,
вливая свежую кровь в старые жилы.

Но брошенный всеми завод,
ставший невольной жертвой
непонятных ему интриг и разборок,
в этот самый момент мучительно умирал,
его тело безжалостно рвали на куски,
резали на металлолом всё, что попало,
вырывали кабели, выдирали трубы,
разбирали по плитам здания,
новый директор хладнокровно
распродавал его имущество,
растаскивая всё мало-мальски ценное.

И однажды старый,
отчаявшийся,
никому не нужный
умирающий монстр не выдержал.

Из прессы. «В городе Энск в четверг утром рухнула крыша в одном из цехов на территории бывшего машиностроительного завода. Из-под завалов извлечены тела шести погибших. Спасатели также обнаружили под завалами одну живую девушку, которая получила травмы и была госпитализирована в шоковом состоянии. Обрушение крыши на площади 2000 квадратных метров произошло около 12:55 по местному времени, то есть в обеденный перерыв, когда в помещениях было мало

людей.»

В мёртвых полуразрушенных корпусах
окончательно поселилась
мерзость запустения.
«Территория техногенной катастрофы,
место для съёмок футуристических ужастиков» —
так написали о заводе досужие блогеры.
Экспертиза ничего не прояснила,
в итоге какого-то завхоза
осудили за халатность
на целых полтора года.

Бывшего директора тоже вызывали в суд,
где долго задавали скользкие вопросы,
явно пытаясь повесить вину на него,
но выходило так, что в последний раз
завод ремонтировали ещё при нём,
а уж винить его за чужое бездействие
было как-то совсем странно и даже глупо.

Напоследок судья вдруг задала ему вопрос:
«Как вы считаете, отчего рухнула крыша?»
Он удивился, поскольку не был экспертом
по таким серьёзным и сложным делам.
Какого ответа она от него ожидала?
В зале повисла гнетущая тишина,

когда он ответил судье просто и ясно:
«Завод умер».

Он прекрасно понимал —
если пытаться объяснять им про то,
что заводы вполне живые существа,
которые всё чувствуют и понимают,
что их грозная и никем не изведанная сила
способна иногда жестоко мстить людям,
то собравшиеся в зале суда
просто сочтут его сумасшедшим.

Хотя как раз именно они, служители закона,
приложившие столько старания и сил
для того, чтобы поскорее убить завод,
казались ему сумасшедшими…

Но худа без добра не бывает,
и кто знает – не сядь он тогда в тюрьму,
то мог бы и сам
оказаться под упавшим пролётом.
Более того, он прекрасно понимал,
что до конца жизни
обязан благодарить Бога
хотя бы за то, что тот избавил его
от невыносимого чувства вины

за страшную смерть шестерых человек.

> *Из прессы. «Некогда гремевший на всю страну завод, построенный в Энске еще в 60-е годы, приказавший долго жить после перестройки, сегодня, 20 марта 2019 года, снова напомнил о себе. Там случилось очередное крупное обрушение бетонных конструкций. Предыдущее было в 2007 году. Тогда погибли 6 человек. На этот раз только по счастливой случайности обошлось без жертв.»*

Бывает так, что Большое Зло
берёт своё начало из Большого Добра.
Так вышло и на этот раз.
Зло, разбуженное проклятием
умирающего монстра,
затаилось в заводских развалинах,
терпеливо ожидая своего часа,
чтобы отныне вечно и слепо
мстить людям,
предавшим и убившим своё детище.

Одинокий немолодой человек,
давно отсидевший своё
и покинувший город навсегда,
просыпался почти каждую ночь в поту
и напряжённо вслушивался в темноту,
пытаясь понять,

то ли это кузнечный молот
знакомо ухает во тьме,
то ли яростно рвётся из груди
его собственное неугомонное сердце…

Он ждал своего часа.

Сказание о Свирепом Майкле

В самом конце девяностых,
в аккурат под миллениум,
мне предложили работу
у одного весьма состоятельного человека,
бывшего замполита-ракетчика,
купившего большой завод.
Мой новый начальник
был весьма яркой личностью,
он имел вздорный характер,
неуёмную склонность к эпатажу,
а ещё был страшным фанатом
самого разнообразного оружия,
огромный стол его вечно был завален
толстенными импортными каталогами,
ножами, арбалетами и прочим железом.

Не стану кривить душой,
на первый взгляд он показался мне
умным, образованным человеком,
прекрасно разбирающимся в бизнесе —
но первое же совещание
заставило меня серьёзно задуматься
о правильности выбранного мною решения.

Мой новый босс ворвался в кабинет
с дико выпученными глазами,
размахивая перед несчастными менеджерами
самой настоящей саблей,
как потом оказалось, наградным оружием,
которое реально принадлежало
когда-то самому адмиралу Горшкову.
«Началось!» – тоскливо прошептал
сидевший рядом со мной менеджер.

Шоу продолжалось довольно долго.
Наш босс носился по кабинету
тарзаньими прыжками,
то и дело хватая за запястье
какого-нибудь бедолагу,
заносил над скрюченными пальцами несчастного
остро отточенный адмиральский клинок
и орал, брызгая слюной:
«Почему не сделано?!»
Мы сидели, пригнув головы,
как при артобстреле,
помышляя об одном —
как бы выбраться из кабинета живыми.
Но это были ещё цветочки.
В финале своего выступления

бывший советский замполит
зарядил тугой чёрный арбалет,
поставил к двери кабинета сотрудника,
заподозренного в измене,
приладил тому на голову стакан
и с пеной у рта потребовал от несчастного
немедленной явки с повинной
в якобы содеянном жульничестве…

Именно в этот день я и услышал
от нервно курящих менеджеров
впервые это прозвище «Свирепый Майкл» —
в миру босса звали Михаилом.

Текучка на заводе была большая,
слабонервные быстро уходили,
но некоторые оставались —
либо упёртые, либо хладнокровные, вроде меня.
Дело своё я знал, работать умел,
допросов с пристрастием не боялся,
быстро выучил хозяйские штучки
и жил себе припеваючи.
Ну, что поделаешь,
если у человека бзик такой?
Как говорится, в каждой избушке
живёт своя бабушка.

Дела наши между тем шли на лад,
завод работал, деньги капали,
но Свирепый Майкл был неистов —
сначала он заставил меня
читать по субботам менеджерам лекции,
то по финансам, то по маркетингу,
в целом это была неплохая мысль,
но делал я это всё почему-то
в свое личное время
и за ту же зарплату, что злило.

Потом шеф назначил по выходным
массовые занятия физкультурой,
что уже мало кому понравилось.
Мы всё больше и больше превращались
в какую-то полувоенную структуру.
Вскоре босс надумал сколотить
элитный клуб топ-менеджеров,
для чего заставил всех нас
купить по дорогому ружью.
Теперь по воскресеньям
вместо семейного отдыха
мы ездили на так называемые «стрельбы»,
бегали на полигоне по снегу к мишеням,
не только отмораживая гениталии,

но и просаживая на дорогущие патроны
потом и кровью заработанные деньги.

Оружие было везде и всюду —
когда Майклу надоело муштровать
своих бестолковых ЧОПовцев,
он увлёкся снайперской стрельбой
и даже как-то провёл крупные соревнования,
на которые приехали со всей страны
реально крутые спецназовцы,
лежавшие сутками в болоте,
ожидая подъёма мишеней —
такие вот у снайперов упражнения.

После этих распиаренных сборов
шефу сорвало крышу совсем —
он уверовал в себя окончательно,
то бишь «поймал звезду»,
начал говорить с власть имущими свысока,
покрикивать на чиновников,
сплетничать с кем попало про губернатора.

А всё проклятое оружие…
Никогда нельзя с ним играть,
оружие этого не любит.
В один прекрасный день

Свирепый Майкл подорвался
на собственной гранате «лимонке»,
которую за каким-то чёртом
таскал в кармане своего плаща.
Он поехал с подругой в теннисный клуб,
отыграл там с нею пару сетов,
и уже на улице, идя к машине,
полез в карман за ключами,
как-то неудачно зацепился чекой
за свой собственный карман —
чека с лязгом отлетела прочь,
и Миша пал на асфальт,
рефлекторно закрывшись от осколков
телом любимой девушки.

Историю эту наш «великий вождь»
представил потом обалдевшей публике
как заказное покушение
неких загадочных конкурентов,
но мне-то друзья в погонах
рассказали всё, как было.

Поскольку бедная девушка
получила по вине Майкла в спину и в ноги
целых тридцать осколков
то имела теперь не совсем товарный вид,

а посему наш героический босс,
как всякий порядочный офицер,
вынужден был на ней жениться,
завёл двух сыновей-погодков,
но брак долго не продлился,
жена Майкла повзрослела и поумнела,
уехала на ПМЖ в Германию,
удачно вышла замуж снова,
и нанятые ею лихие юристы
отжали через пару лет в её пользу
остатки империи бывшего мужа.

Случилось неминуемое —
беспокойный Миша в пух и прах
разругался с губернатором,
поехал жалиться в администрацию Президента,
а пока пытался туда попасть,
на него мгновенно завели
кучу уголовных дел,
объявили в федеральный розыск,
и в один прекрасный день
шального «криминального» бизнесмена
задержали прямо в московском ресторане,
а изъятые при обыске его квартиры
четыре десятка разрешённых ружей
и целую кучу ножей-кинжалов-сабель

с помпой представили на суде
как главное доказательство
его кровавых бандитских намерений.

Почему-то во время суда
Миша решил повесить всё на меня,
не понимая или не желая понимать,
что главной дичью этой охоты
априори является он.

Он со своими адвокатами
так долго мурыжил судей
процессуальными извращениями,
что вполне закономерно
вызвал у них ответную реакцию
в виде сурового приговора.

В стране наступали иные времена,
бизнесменов закатывали в лагеря
по любому дурацкому обвинению,
за четыре года следствия и суда
остатки бизнеса Майкла закошмарили,
арестованное имущество бездарно просрали,
а сам Миша, чуть не разорившийся
на оплате услуг банды своих адвокатов,
хором певших ему воодушевляющее:

«У них на вас ничего нет!»
поехал по приговору суда
далеко и надолго,
туда, где след его давным-давно пропал.

Рассказывают, что на зоне
он, офицер-замполит, выкинул фортель —
поменял масть и перешёл к «чёрным»,
они технично развели его на бабки,
и Майкл исправно грел общак,
оплачивая телефонные переговоры
и прочие прихоти воровского сообщества,
пока деньги в его закромах
не закончились совсем.

Что лично до меня,
то я остался ему благодарен.
Он заставил меня изменить себя,
научил многим полезным вещам,
помог стать настоящим профессионалом,
понять своё истинное предназначение.
Может, это чересчур высокие слова,
но мне хочется, чтобы память о нём
осталась именно такой —
может быть, потому,
что я чувствую лёгкую вину перед ним?

Со временем я догадался,
что все его эпатажные выходки
были просто попыткой экшн-перфоманса,
Миша что-то хотел пробудить в нас,
расшевелить, растолкать,
вывести из зоны местечкового комфорта.

Иногда я даже ностальгирую
по тем весёлым временам,
вспоминая, как Свирепый Майкл
выпрыгивает из своего джипа
и бежит через грязное футбольное поле,
выхватывая из-под чьих-то ног мяч,
ставит его перед воротами,
и с рычанием, с разбегу
пробивает мне пенальти…

И я, как обычно,
вопреки всем его надеждам,
всегда отбиваю этот мяч кулаками.

Ночная смена

вставай пошли

я слышу чей-то противный голос
но не хочу открывать глаза
меня охватывает отчаяние
тоскливо так, что хочется плакать
я снова в черно-белом аду
та же кровать, тот же вечер
всё те же опротивевшие лица
и нескончаемая ночь впереди
как будто смотрю один и тот же фильм
дежа вю с привкусом изжоги
вижу знакомые ободранные стены
за окном темно, деревня уже спит
значит, нам пора в ночную смену
Колян спит, сидя на кровати
Андрюха доедает из миски кашу
протягивает мне стакан чая

вставай пошли

говорю я своим соседям по аду
папиросы любительские

пустая бутылка андроповки
мне семнадцать лет я студент
второй месяц живу в совхозе
рабы агрегата витаминной муки
гордо именуемые бойцами АВМ
с полей к нам везут силосную массу
потом всю ночь в свете прожекторов
я накидываю трехметровыми вилами
стебли сырой травы на измельчитель
сечка ползёт в барабан сушиться
мешки наполняются зелёной мукой
Колян вяжет их, Андрюха таскает на склад
через каждые два часа мы меняемся
утром заступают три свежих раба
после обеда приходят очередные трое
эту неделю мы работаем в ночь
ночная смена самая тяжёлая

вставай пошли

шатаясь, бредём на край деревни
навстречу первая смена, пьяные в ноль
кассетник гнусавит про девочку в баре
нам нравятся антисоветские песни
с понедельника ребяткам в ночь
уже месяц мы ждём замены из города

хотя расценки копеечные
но денег в конторе совхоза нам не выдают
боятся, что тут же сбежим
спасибо, что хоть кормят ещё
а нам и убежать никак нельзя
в отряде все штрафники, завалившие сессию
если уедешь, отчислят автоматом
один я идейный, комсорг факультета
студентам здесь всегда рады
халтуры много, расчёт едой и самогоном
копай, коли, пили, грузи, крась
в институте про нас явно забыли
поэтому безнадёга полная
все в совхозе пьют с утра до вечера
заехал как-то чистюлька-комсомолец
идейный вождь краевого масштаба
что-то понёс про соцсоревнование
ребята чуть не прибили его

вставай пошли

а вот наконец полночь
урча, грохочет наше чудовище
вечерняя смена похожа на зомби
они молча ковыляют, глядя сквозь нас
сил у них осталось только дойти до кровати

я подымаю с бетона осточертевшие вилы
взмах, второй, пятый, десятый
сначала мышцы болят и ноют
потом становится легче, вхожу в ритм
главное, ни о чём не думать
великий раздолбай Колян явно успел дунуть
дурь здесь растёт за каждым углом
она тут весёлая, тем-то и опасна
по обкурке трудиться тяжко, пробовал
прёт так, что мозги встают нараскоряку
толку с Коляна сегодня мало
вижу, как пацана замыкает
надо меняться, иду будить Андрея

вставай пошли

третий час ночи, грохот разносит мозг
Андрюха спит на пустых мешках
долго вяло матерится и трёт глаза
пытаясь понять, что мне надо
берёт у машиниста закурить
уходит вместо меня на вилы
с ним хорошо работать
он крепкий парень из рабочей семьи
а Колян педагогов сын и хитрован ещё тот
поначалу кидал железячки в зелёную массу

чтобы ломались ножи в измельчителе
пока привозили новые запчасти
можно было прикорнуть на часок
но совхозники быстро вычислили его
выдали хороших звездюлей
теперь Колян ждёт визитов деревенского стада
чтобы уронить рубильник на подстанции
типа корова рогами задела

вставай пошли

атас, горячая мука валит через край
но Колян ничего не соображает
его глаза пусты, хихикает как идиот
зачем-то ползает под агрегатом
отбивается от нас с машинистом
да, этот сегодня уже не работник
жаль, конечно, а я-то хотел поспать часок
придётся ишачить вдвоём
сменное задание никто не отменял
Колян прыгает в истерике
пинает ногами рифлёную стену ангара
орёт нах*й нах*й нах*й нах*й
Андрюха навешивает ему леща
Колян странно смотрит на нас
убегает из ангара куда-то в темень

духота, когда же наконец утро
я меняю мешки, увязываю, уношу
снова меняю, увязываю, уношу
опять меняю, опять увязываю, опять уношу
на ходу то и дело проваливаясь в сон
ночь бесконечна как чёрная бездна

вставай пошли

пять утра, Андрей что-то кричит
толкает меня тыча пальцем
за его спиной огромное зарево
мать честная, это горит склад с витаминной мукой
куда мы таскаем мешки после смены
пожар пылает во всё небо
неужели наш Колян совсем спятил
Колян с упоением смотрит на пламя
его слёзы похожи на капли крови
свобода, пацаны, свобода, кричит он
мы неуверенно улыбаемся
потом тоже начинаем орать и прыгать
тело колотит нервная дрожь
по щекам течёт что-то солёное
в горле горький комок
сука, это ли не счастье
всё теперь работы точно не будет

машинист мечется, люди, крики, пожарка
начальство вопит, мы не при делах
машинист подтверждает наше алиби
сам-то спал пьяный и ничего не видел
от греха подальше забиваемся в каморку
блаженно засыпаем до восьми
да идут они все со своей мукой
с радостью думаю я
веря, что завтра всё будет иначе

вставай пошли

заменят нас только через месяц
совхоз спишет на пожар все свои косяки
якобы сгорело в десять раз больше
причина замыкание проводки
осенью нас вызовут в крайком
где Андрюху премируют фибровым дипломатом
Коляна путёвкой на Кубу за триппером
а меня наградят Почётной грамотой ЦК ВЛКСМ
и где он теперь, этот сраный ЦК ВЛКСМ
наверное, там же, где моя дурацкая молодость
и тот тлеющий окурок,
который душной июльской ночью
кто-то нечаянно/незаметно
уронил в мешок с зелёной мукой

Толкачи

1.

Эта сюрреалистическая история
случилась со мною в 92-м,
в те самые чумовые времена,
когда только что развалился СССР,
экономика полетела в никуда,
всё рухнуло и перемешалось,
деньги в стране закончились,
гаджеты и вай-фай ещё не изобрели,
зато щедро расцвели биржи-брокеры,
а людям при этом надо было как-то жить,
крутиться, работать, кормить семью.

В те смутные весёлые деньки
довелось мне всласть порулить
отделом снабжения большого завода,
содержавшего целый отряд «толкачей»,
а частенько и самому
бывать в этом амплуа.

«Толкачом» во времена СССР
называли специального человека,

которого посылали в нужное место,
чтобы «выбить» необходимые фонды,
ускорить отгрузку дефицитных материалов,
порешать возникающие вопросы
любым доступным способом,
в общем, протолкнуть проблему.

Сердечники пуль для патронов
рубили у нас на заводе
из специальной проволоки,
но отгрузка её из далёкого Череповца
задерживалась из-за нехватки вагонов.
И тогда кто-то предложил
в порядке бреда
доставить проволоку самолётом.
«Бред» обсчитали, прикинули —
да, простой обходился заводу куда дороже!

Я выпытал у коллеги с авиазавода,
что на днях из Ливии
возвращается борт их авиаотряда,
летавший туда за экипажами,
перегонявшими истребители
нашему «лучшему другу»
Муаммару Каддафи.

И если лётчикам прикажут,
то они готовы сесть где угодно
и прихватить с собой что угодно,
хотя я плохо представлял себе,
как можно будет запихнуть
в благообразное брюшко АН-12
пять катушек стальной проволоки
весом в тонну каждая.

2.

В конце двадцатого века
дело делались уже куда быстрее.
чем сказка сказывалась,
поэтому первым же рейсом
я улетел в Москву,
прихватив с собою младшего братца,
недавно демобилизованного из армии,
который сам упросил меня
устроить его на такую работу,
чтоб покататься и мир посмотреть,
то есть в заводские экспедиторы,
а проще говоря, в «толкачи».

Младший брат мой служил срочную
в радиоразведке под Киевом,

но осенью девяносто первого
весёлые хлопцы с автоматами
ночью вывезли личный состав
в какой-то ров за Броварами
где взяли пацанов на прицел
и предложили присягнуть
самостийной Украйне,
а когда вволю накуражились,
то просто турнули солдатиков
в близлежайшую Россию
без копейки денег.

Слава Богу, что это были
ещё вегетарианские времена,
брат уважал «ридну мову»,
обожал Наташу Королёву,
он честно служил этим людям,
не разделяя мир на национальности,
а потом в пять минут стал чужим,
постоял ночь под стволами,
неделю ехал через всю страну злым и голодным,
и что-то изменилось в нём тогда,
исчез милый добрый мальчик,
зажёгся в его глазах упрямый мужицкий огонь,
который так хорошо будет виден потом
в глазах героев Сергея Бодрова.

Главная проблема состояла в том,
что в стране не было авиационного топлива,
рейсы часто задерживались,
аэропорты то и дело закрывались,
сам я чудом вырвался из Тбилиси,
где три недели жил на одних мандаринах,
и самолёту с проволокой
предстояло совершить чудо,
добравшись от Череповца
до самого Комсомольска-на-Амуре.

Это была полная авантюра,
но выхода не было,
спасти ситуацию мог только фарт,
слепая удача русской рулетки,
и я, всерьёз опасаясь того,
что лимит моей собственной удачи
в самый нужный момент
может оказаться исчерпанным,
искренне надеялся на то, что
младшему брату моему,
как новичку,
кто-то там сверху
щедрой рукой
сыпанёт этой удачи сполна.

3.

Остановленный комбинат
был похож на мертвецки пьяного
ржавого железного великана,
упавшего на спину
и заснувшего в странной позе.
Нелепо растопырившись,
задрав в небо трубы-руки,
он лежал посреди холодной
грязной осенней степи,
носившей гордое название
Русский Север.

Сам город был сер, хмур и неприветлив,
местные называли себя «черепами»,
в этом жутковатом месте
просто невозможно было
долго оставаться трезвым,
мы явно не вписывались
в местный унылый колорит,
хотелось напиться водки,
чтобы мимикрировать,
не отсвечивая на улицах
нашими позитивными физиономиями.

Поскольку никто толком не работал,
все предприятия давно закрылись,
а назавтра был День Конституции,
то есть вполне весомый повод,
для более комфортного восприятия
окружающей нас действительности
мы немедленно напились в хлам,
долго орали песню про чёрного ворона
в каком-то замызганном кафе,
причём наше отвязное поведение
почему-то никого совсем не удивляло.

Потом мы долго брели по городу,
брат был похож на пьяного Дон Кихота,
а я напоминал скорее Санчо Пансу.
В нетопленной заводской гостинице
нас ждала администратор,
толстая перепуганная дама,
кто-то позвонил ей и попросил передать,
чтобы утром встречали самолёт,
но какой, откуда – она толком не поняла,
и вообще аэропорт в их городе
был уже лет пять как закрыт.

Ночью меня позвала вниз сонная дежурная,

и пьяный весёлый голос
в трубке телефона
по-военному доложил,
что борт 305 сел,
экипаж готов к заправке и погрузке,
просьба подвезти завтра с утра
чего-нибудь пожрать и выпить,
желательно побольше.
На вопрос: «А где вы сели, где вас искать?»
лётчик ответил:
«А хрен его знает! Куда-то сели…»
жизнерадостно захохотал и пропал.

Я положил трубку и закрыл глаза.
Светлый огонь исправно горел наверху,
как случалось уже не раз и не два,
мне снова повезло,
моя удача была со мной.
Я поднялся в номер и спокойно уснул.

4.

Наутро город преобразился.
Кто-то пустил удивительный слух,
что самолёт, прилетевший ночью
в давно закрытый аэропорт,

привёз деньги, много денег,
всем выдадут зарплату за прошлый год,
люди со слезами обнимались на улицах,
с надеждой глядя друг другу в глаза.

А ещё по случаю праздника
в городе объявилось бабье лето,
согревшее всех желающих
последним теплом уходящей осени.

Несмотря на выходной день,
сталепрокатный завод
встретил нас, как родных,
перед нами распахивались все двери,
мгновенно нашлись крановые и стропали,
и к обеду три загруженных до отказа самосвала
вслед за автокраном
торжественно выехали за ворота.

Мы с удивлением наблюдали,
как местные жители разглядывают купюры,
оказалось, что многие уже забыли,
как вообще выглядят деньги,
поэтому новая зелёная двухсотрублёвка
повергала их в священный транс,
мгновенно решая любые вопросы.

В такой обстановке был неминуем
интерес вездесущего криминала,
поэтому время пошло на часы.

Самолёт отыскался довольно просто,
он гордо стоял посреди
старого полузаброшенного аэродрома
на заросшем кустами лётном поле,
тутошняя авиация теперь летала
исключительно на вертолётах,
которым на бетонке
разгона не требовалось,
да и топлива на полёты
всё равно никому давно не давали.

Злобно матерящийся механик объяснил,
что нам предстоит немыслимое,
расчистить от кустов взлётную полосу
запихать на борт самолёта
пять блестящих от масла
толстых катушек проволоки,
найти керосин для заправки самолёта
и попытаться взлететь
с качающихся плит аэродрома,
которые с треском лопались от старости
под колёсами тяжёлых грузовиков.

Глаза боятся, руки делают.
Мы действовали жёстко и энергично,
пока брат гонял в город за водкой и колбасой,
устроив среди торговцев лёгкую панику
(не так уж и много оказалось в городе
этой самой колбасы),
начальник аэродрома за бакшиш
отдал летунам заныканый керосин,
местные бичи за ящик вина
резво очистили поле от кустов,
на борту АН оказалась лебёдка,
мы с матом и криками кое-как
впихнули груз внутрь самолёта.

5.

Шесть долгих осенних дней
горемычный борт 305
пилил через всю страну,
перелетая от одного аэропорта к другому.
Именные чеки Сбербанка
никто не хотел принимать,
а налички у брата не было.
Где-то летуны уламывали знакомых
одолжить бак керосина,

где-то просто воровали по ночам
топливо с заправщиков.
При взлёте мотки проволоки
угрожающе дрейфовали в хвост,
при посадке смещаясь обратно
в сторону кабины.

Лётчики очень скоро решили,
что ввязались в блудняк,
они-то по простоте своей считали,
что помогают своим, заводским,
но оказалось, что их обманули,
борт зафрахтовали какие-то мутные чужаки.
Пару раз дело чуть не доходило до драки,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.